

СЕЛИМИР РАДУЛОВИЧ

СБОРНИК СЕРБСКОЙ ПОЭЗИИ

СВЕТ ИНЫХ ПРОСТРАНСТВ

ОПЫТ БИНАРНОГО ЧТЕНИЯ

ИВАН НЕГРИШОРАЦ

**Селимир Радулович
Иван Негришорац**

**Свет иных пространств:
опыт бинарного чтения.**

Сборник сербской поэзии

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23571948

Свет иных пространств: опыт бинарного чтения. Сборник сербской поэзии / Селимир Радулович; Иван Негришорац : Белый город; Москва;

2017

ISBN 978-5-00119-002-8

Аннотация

В сборнике «Свет иных пространств: опыт бинарного чтения» российскому читателю впервые в таком объеме представляется творчество двух выдающихся современных сербских поэтов Селимира Радуловича и Ивана Негришораца.

Под одной обложкой встретились сборники «Свет из отцовской хижины» Селимира Радуловича и «Союзы и иные пространства» Ивана Негришораца. Творчество каждого поэта самобытно и ярко индивидуально. Объединяет их вдохновенность Словом Божиим и молитвенное восхищение мирозданием.

Содержание

Предисловие	4
Селимир Радулович	8
Тень восьмого эона	10
Сны святого путника	15
Как истинный слуга	33
Песнь с острова сирых	35
Семь легких трепетаний	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Селимир Радулович, Иван Негришорац Свет иных пространств: опыт бинарного чтения. Сборник сербской поэзии

Предисловие

Сборник «Свет иных пространств: опыт бинарного чтения» представляет российскому читателю творчество двух ведущих современных сербских поэтов – Селимира Радуловича и Ивана Негришораца.

Поселить двух поэтов под одной книжной обложкой – большой риск. Поэтическая кухня – стилистические пряности и приправы, авторские приемы и штрихи – всегда индивидуальна. Всякое сравнение, особенно поэтов, этих демиургов, создающих свои уникальные миры, всегда ошибочно.

Поселить двух поэтов под одной книжной обложкой – чудесная идея. Физика поэзии, преломляясь через индивидуальные призмы миров, создает свою палитру и сияет новыми оттенками смыслов, рождая гамму соотношения двух миров

– яркую и дерзкую.

Поселить двух поэтов под одной книжной обложкой – возможность прочитать совсем новую книгу. Книгу, где слова и символы одного поэтического текста станут катализатором для скрытого смысла другого текста, обновляя его и приводя к такому ценному для восприятия поэтики видению.

Поселить два поэтических мира под одной книжной обложкой – метафизический опыт. Поэзия – это всегда духовная трансформация. Неуловимая, необходимая, желанная. Поэзия – всегда игра в жизнь, сложная и утонченная, которая шаг за шагом приближает нас к исконной, забытой нами, но простой как аксиома истине: жизнь невозможно поймать в ловушку определений. Эта легкая бабочка убегает от логических фиксаций, от рациональных сетей, от сачков прагматизма. Но легко летит на сладкий мед поэтического воображения.

Поселить два поэтических мира под одной книжной обложкой – уникальный шанс для читателя объединить два мира и, пропустив их через собственный фокус восприятия, получить единый цельный и целостный мир. Мир, где свет из отцовской хижины умеет светить далеко-далеко, освещая иные пространства.

В стихах Селимира Радуловича вы можете ощутить безграничную свободу, отчетливо заметную в жестах радостной и легкой цельности монаха Андрея Рублева, что-то от атмосферы его открытого неба, силы лиризма и полноты выра-

зительной силы искусства иконописи, эфирной композиции, которая приобретает еще большую возвышенность, когда вы понимаете, что находитесь в эпицентре того, что святой Макарий назвал пастбищами смерти.

Поэзия Радуловича, окрыленная духовной верой, прославляет Господа. Один на один с хаосом нисходящей модернистской экзистенции, он открылся и предался без остатка великому библейскому слову, придерживаясь завета святого Григория, который велит не завидовать интеллигенции, притворно глядящей на Тайну Божию. Многие его произведения вдохновлены поэзией свт. Игнатия Брянчанинова.

В современной сербской поэзии нет поэта, который бы в процессе творческого роста так сильно изменил свой образ как это сделал Иван Негришорац. От книг «Гнилое яблоко», «Ракляр», «Желудок» и «Союзы», которые, связаны и духовно, и семантически, и поэтически, до «Тайника», «Маяка» и «Каменных чтений» – таков путь поэта, которого сегодня отличает особая выразительность, сопряженная с лирической силой, и лёгкость исполнения самых утончённых поэтических произведений.

Вобрав в себя лучшее из творчества Негришораца, сборник представляет сплав гротеска, фантазии языковых ассоциативных игр, плавное течение классического лирического стиха и молитвенный рокот.

*Ирина Анастасиевич,
доктор филологии,
профессор Белградского Университета*

Селимир Радулович
Свет из отцовской хижины

Тень восьмого эона

Молчальникам, что чаще молятся, чем дышат.

Еще струилось и благоухало
Весны дыханье. Бодрый, пробужденный,
Я взглядом ясным мерил каждый лист,
Теплом и светом солнечным возвращенный.
И как когда-то в детстве, что как сон
Расстаяло, мне радость наполняла
И мысли запоздалые, и сердце.
Хоть я и знал, что тут, где дышим мы,
Дышать другие будут люди
И ревностную добродетель
Дух сменит беспокойный.
Тогда, блажен, познав печаль и горе,
Я взял у Бога дар, сужденный мне,
И осторожно, чтоб не согрешить,
Промолвив слово в ангельском собраньи,
Предался солнцу, что во мне рождалось.
Я злых бежал, ведь с добрыми дружа,
Знал, что приносят злые ветры злое слово.
С пастушым посохом, но, словно муза,
В водовороте быстром трепеща,
Я к утреннему свету поспешил,
И терпкое испробовав вино,
Потоком слов прикрыл начальный разум.

Внимая дуновенью ветерка,
Давал название каждому цветку,
Задумавшись, а будет ли полней
И краше ризница Отца святого.
Казалось мне, что, наступив на тень,
В руке держу начало и конец,
Ведь я промолвил о Небесном свете
И видел – множеством очей – звезду рассвета.
И я горел, и вот, перегорев
Как пожелтевшая трава, в седины
Покорно облачился, но с надеждой,
Что, смертный, я иду тропой бессмертья,
В восьмом зоне, не рожден еще,
С повязкой на глазах, без сна,
От трепета до дрожи; что ступаю
Тропою муз и, воздуха алкая,
В исконном страхе заново рождаюсь,
Ведь завтра превратится во вчера,
Вчера же, обернувшись, станет завтра.
Коль ты не победишь, душа моя,
Промолвив слово, позабыв о бедах,
Предавшись снам пустым, ты не грусти!
Но в тот же миг готова будь к борьбе.
Не отступай ни перед тучей черной,
Ни пред дремотой тяжелой, среди теней,
Когда и день, и ночь – одно, едины.
Я сердца своего не усмирял,
А сдался в плен ему. И ничего другого
Не видел и не слышал. О душа,

Не отступай, борись и возвращайся,
Ведь там, где семя брошено, оно
В плод превращается спасительный и зрелый!
Так звук немого языка растет
И благозвучьем слово расцветает.
Год опирается на год, весна
Благоухает в белоснежных кронах,
А ты в дивленьи опускаешь взор:
В созревшем гении, в душе бессмертной,
Где дышит свет, бесследно исчезают
Воспоминанья о листве увядшей,
О ветре, о дожде; и в сокровенной мысли,
В словах, что восстают и ниспадают,
И в песне радостной души – всего лишь
Слеза, что неожиданно блеснув,
Обманывает глаз. Посланники Отца,
Святой молитвы и Священной лиры песнь
И светлый Вестник в ризе вдохновенья,
И радость неба, что дождем соленым
Вливается в меня, и свод лазурный,
Касающийся нас дыханьем нежным, —
Всё, всё, единое во всём, гласит,
Что милостив ко мне Создатель
И что из сердца дочери его
Я к Вышнему стремился сердцу,
В преображенный мир.
Я восходил на холм с красивыми деревьями,
Обросшими мхом диким, с ручейками,
Что змейками вились кругом;

Я шел к тому, что открывалось взору,
В заботливых объятиях Отца,
Задумавшись о прошлом, подбирая
Оставшиеся листья. И потом
Я на верху холма стоял, не зная,
Какой светает день.
Я опьянен был воздухом Небесным,
А пробудившись, ощутил в устах
Крылатой песни чудное дыханье.
Я видел оживающую землю
В убранстве трав зеленых и цветов
И слышал радостный напев листвы молодой.
Я замер перед чудо-лепестками
Нежнейших роз, стеснившихся поближе,
Но знал – они осыпятся. Так угли
Искони превращаются в золу.
И вдруг язык исчез, глаза ослепли.
Ах, время, ты даешь и забираешь,
То отпускаешь, то сжимая хватку.
Чужой природе и Отцу обуза,
Подавлен и уныл, я в сером дне
Среди людей таких же оказался
И перестал искать большое в малом.
Так, отмахнувшись от стыда и чести,
Жил в окруженьи псов и знал – душе
Пустой и грешной счет предъявлен будет,
И тело в смертный одевалось прах.
Пока по небу облака бежали,
Я вниз спускался по тропе крутой,

И падал, запинаясь, и вставал,
И не хотел кричать.
В игре чудесной солнечных лучей
Вдруг изменилось небо. В робком свете,
Который раскрывался, как пион,
Я на земле соломинку нашел
И наконец, развел огонь несмелый.
Я верил, что живу, что сон мой длится.
И видел я душой и сердцем,
Что бабочки сияющей полет
Теперь бессмертен.

Сны святого путника (отрывки)

1

Как пахарь усердный, живая земная душа,
Что ведет борозду и бросает в нее семена
Средь зимы в лютый холод, упрямо навстречу идет
Урожаю богатому и наливное зерно
Уже представляет в добротном амбаре своем.
Как кормчий бесстрашный на гребне опасной волны,
Что спокоен и дерзок пред бешеной мощью стихий,
Пред ветром, который безумцев любых отрезвит,
Зрит богатства несметные за разъяренной водой.
И как воин отважный, что стрелам навстречу спешит,
Что на поле сраженья не чувствует боли и ран,
Но победный божественный видит венец впереди,

Так и мы, что ползком приближаемся к свету Его,
Перед смертью не пятась, по узкой опасной тропе
Из смятенья в бессмертие, мы не сдаемся легко.
Так бывает, что первый с руками пустыми домой
Возвращается после тяжелых трудов и забот,
А второй, что так парусу верен и предан, идет
Встречь скале или рифу под бурной зеленой водой,

Третий в схватку вступает смертельную, жизнь отдает
За победу над сильным достойным врагом!

Ныне, суще утешены вечным добром, мы растем,
Стойко преодолая несчастья, удары судьбы,
Вспоминаем тяжелые цепи, мучительность ран
И таинственный тот эликсир – не из зелий земных,
А из слов, что с небес пролились, ибо держит его
Не рука эскулапа простого, а вечность сама —
Та, что каплей росы у Пророка блестит на устах.

Ибо все, что когда-то увидело око – лишь след
Ложных знаков, знамений, а то, что не видит сейчас —
Созидание Вечное и к избавлению путь!

2

Коль не выдержит спящее дерево зимний мороз
И в холодных объятьях утратит весь жизненный сок,
То весной ему, мертвому, срубленным быть суждено,
Превратиться в дрова и в золу и развеяться в прах.

Так и грешные души вдали от живого Отца,
Лишь на миг выбираясь из грязи, в последний из дней
Обретаются вдруг в негасимом и грозном огне.
Ибо снова рождается все! И безжизненный ствол,

И пустая душа, онемевшая в грешном чаду,
И встревоженный ветер, колышущий кроны дерев,
И сухая листва, что печально спускаясь к земле,
Будто плачет над вечным покоем святых.
Ибо здесь на земле – о душа моя – словно листва
Поколенья растут, опадают и снова растут!

И невинный тот лист, что беспечно шумит на ветру,
Ныне сохнет, гниет, но рождается снова – и вот,
Раскрывается солнцу навстречу и тянется ввысь —
Так опять распускается книга природы живой,
Украшаясь плодами, в цветы облачаясь весной,
Ибо наше земное житье так похоже на жизнь

Разноцветной листвы! Ибо горькая наша слеза
Суть слеза Искупителя; свет наших душ – это свет
Дивных диких цветов, на которых блистает роса,
В каждой капле которой играет искрящийся луч.

И когда весь в слезах и в пыли, глядя в сердце свое,
От малейшей надежды далек, я вдруг вспомнил о Том,
Кто тишайшею мыслью от хладных истоков меня,
Словно гостя случайного, к свету Писания вел,
Вот тогда, наконец, я расправился, на ноги встал
И на месте, где куца когда-то была, произнес:

Человек и земной этот путь, что обманчив и лжив,
От меня далеко и забота совсем не моя!
Я во всем полагаюсь на Бога и Волю Его!

Ибо как на широком лугу зарождается звук
Каждой светлой и чистой травинки и с нею растет,
Как весеннее солнце искрится в хрустальной росе,
Так и праведник, сидя за трапезным скромным столом,
Про себя повторяет священное имя Его.

3

Горизонт этот дивный меня покори́л —
Нет вокруг никого! Только белых вершин
Величавость и сила. Все тихо в стране
Утешения – месте, где мир и покой.

Время книге природы открыться пришло!

Спала с глаз пелена, застилавшая свет.
И зеленый сад, из Авраамовых недр,
Изобилием дивных плодов удивит,
От весны, где деревья в цветы облеклись,
До небесного мира священных даров.

И как корни, что плод незаметно родят,
Украшают его так причудливо – то
Гладкой кожицей, то бесполезным шипом,

Так и души, что преданы были огню,
Очищаются в нем и рождаются вновь,

Лишь заживдется день. В нежном сердце Отца
Они видят своими глазами огонь,
Что нельзя победить.
Ведь Господь всемогущ, Брат любимейший мой.
Для Него чуда нет!

4

Нет, это не просто страница,
Выбранная в книге страданий и плача,
Не пустое воспоминание об имени Его.
Не божественный огонь,
Что из сердца Спасителя
Переливается в наши сердца.

Это притча о Лазаре и богаче,
Которому богатство
Будто само плыло в руки.
Все двери были открыты
Ему, одетому в порфиру и виссон,
И каждый день он пиршествовал и веселился.

Он не боялся Бога, не стыдился людей,
И по вольному ветру
Спешил навстречу кораблекрушению.
А ведь сколько ему было дано
Во время короткой земной жизни!

Бесчисленные таланты, смех, серебро,
Безмерное чревоугодие.

Ибо не знал он, что если заглянуть в свою совесть,
То можно увидеть, как под словом,
Будто под пожелтевшей листвой,
Разлит легкий воздух,
Бьют божественные источники
И простирается спокойное море.

Он спешил пройти, о, мой любимейший брат,
Через все двери,
Шел по широкой дороге, по которой идут многие,
По непроходимым тропам матери Земли,
Все дальше и дальше от истинного дома.
Он был словно дерево,
Украшенное разноцветной листвой,
Без спасительного плода.

А убогий Лазарь, носимый обратными ветрами,
Лежал перед его вратами,
Весь в незарастающих ранах,
И смотрел, как их лижут бездомные псы,
Но у него не было сил их прогнать.

И казалось, что в этот мир
Он пришел как свидетель чужого добра.
Ибо войдя в узкие двери
И следуя по узкой тропе

В поисках бесценного дара,
Он, как и богач, что шел по широкой дороге,
Оказался пред тягостным и горьким концом.
И когда придет время окончательной развязки
И убогий Лазарь отправится на исповедь к Богу —
К месту упокоения его отнесут сияющие легкие ангелы.

Но никто не ждет богача.
И в аду, подняв глаза, он увидит вдали
Авраама и Лазаря на лоне его.
Тот, кто веселился и во сне, и в тени,
Дошел до тесного, узкого конца
По широкой дороге через просторные двери.
А тот, кто вооружился терпением, был награжден
Вечным добром.

Тут нет защиты, мой любимейший брат,
Когда тебе кажется, что в плотной ткани
Сумрачного тумана гаснут все твои надежды,
А легкая, крылатая душа поднимается к небу —

Тот, кто купался в богатстве,
Кто кормил нахлебников и льстецов,
Разливал вино в большие чаши,
Сейчас купается в мучениях.
А тот, кто мучился – больной и слабый —
Теперь утешен, достоин в сердце,
Возрожден в терпении.
Ибо между ними огромная пропасть

И невозможно перебраться
С одной стороны на другую.
Только в наказании и награде
Человеческих сынов, сломленных бурей,
Но радостных оттого, что живут,
Измеряется полнота вечной вести Отца.

Так, о, мой любимейший брат,
Безымянный богач, несмотря на толстую мошну,
Оказался в адском огне,
Без Отцовского дома, без Отцовских владений.
А убогий, израненный Лазарь – в Авраамовом лоне.

Если буря в открытом бушующем море
Мучит твою уже измученную душу —
Не отдавай свой корабль за бесценок.
Не сдавайся, чадо неискушенное!
Ибо как дерево познается по плодам,
Как без масла гаснет пламя светильника,
Как в слезе раскаяния
Расстроганная и потрясенная человеческая душа
Идет к искуплению через тихую боль,
Так и в сердце продевается божественная нить —
В молитву Отцу, в ее слезы.
И когда ты плаваешь и стоишь в изобилии,
Вспомни слова старца:

Разве упав, не встают?!
И, совратившись с дороги, не возвращаются?

И прими из его золотых уст урок,
Который тяжелее самого ада!
Ибо бедняк – не тот, у кого ничего нет,
А тот, кому всегда мало!
Так и богач – не тот, кто ликует в роскоши и избытии,
А тот, кому не нужно много.

5

Когда спокойный и светлый вестник
Выходит к твоей душе, а ты думаешь,
Что это солнце у тебя за спиной,
Что тебя обгоняет длинная тень,
Ты не знаешь – если все чисто – насколько ты силен,
И встаешь не перед зеркалом, пытаясь разгадать тайну,
А лицом к Лицу. Но не видишь,
Как небесный путник пересекает
Бескрайнее пространство,
А яркое радостное солнце окрашивается
радостными пежинами.

Когда спокойный и светлый вестник
Выходит к твоей душе, а ты думаешь,
Что это солнце у тебя за спиной,
Что тебя обгоняет длинная тень,
Которая, оставив небесные владения,
Парит в воздухе, колышет крыльями,

А утренняя звезда, рассеивая ночь,
Спешит навстречу дню,
Когда тебе кажется, что ты безошибочно
Нашел свою звезду в звездном дожде,
Значит, пришло время и ты можешь
Взглянуть на все пристальным взглядом
И, оценив свою силу, услышать голос лиры
И ее песнь, сохраняя непоколебимую надежду,
Не зная, что она все еще в тебе живет.

Но когда ты снова поднимешься в небо
И, словно играя, спустишься к земле
Орошенной молитвенным зноем —
Ты поймешь, как тщетен след того,
Кто строит на песке рукотворные замки,
А ты плаваешь в обилии и стоишь высоко,
Не надеясь на утешение,
Которое приносят слезы раскаяния.
И повторяя молитву Отцу, дышишь в ней.
Ибо ты плывешь в чистом воздухе
И, охваченный пламенем души,
Взмываешь в небо! И видишь тень
Сломленного человека.

Когда спокойный и светлый вестник
Выходит к твоей душе, а ты думаешь,
Что это солнце у тебя за спиной,
Что тебя обгоняет длинная тень,
Сообщая, что ведет тебя туда,

Где повелевает Бог,
Во имя нежности и благости души;
Когда ты видишь над чистыми резвыми водами
Бесчисленный звездный рой,
Ты хочешь освободиться от своей тени
И сильной немой дрожи, сотрясающей ее,
Пока небо покрыто темными тучами.

Это будет равносильно руке добродетеля,
Которая поддерживает тебя
И делает все видимым и ясным,
Как и любое движение, когда вдруг взволнуется
Водная гладь.

Когда спокойный и светлый вестник
Выходит к твоей душе, а ты думаешь,
Что это солнце у тебя за спиной,
Что тебя обгоняет длинная тень —
Ты, окруженный дикой природой,
Отводя глаза в сторону,
Словно слабый ребенок,
Вырастаешь из материнских рук в человека,
И все несчастья делают тебя смелым.
Сейчас ты растерян, но расширив руки,
В упоении, в белом сияющем платье,
Упав на колени на твердую землю,
Тихо шепчешь хвалу и молишься за тень,
Которая расплетает другую тень.
И гласишь ангельское Сеяние!

Когда спокойный и светлый вестник
Выходит к твоей душе, а ты думаешь,
Что это солнце у тебя за спиной,
Что тебя обгоняет длинная тень,
Ты говоришь, а слезы текут, ибо боишься,
Что никому не видный и не слышный князь неба,
Отравляющий тяжелым духом воздух,
Покидая землю, возьмет тебя в плен.
Ибо знаешь, что ты создан не для того,
Чтобы исчезнуть, о, мой любимейший брат,
Но для того, чтобы бессмертная душа
Пела в тебе бессмертную песнь.
И не вопрошаешь как глава Пророка:
Когда умрет человек, то будет ли он опять жить?

Ибо знаешь, что когда человек умирает —
Умерщвляется плоть, а душа остается!
Ведь душа помнит дела свои
И не переселяется из тела в тело.
А когда жива душа, жив и человек!

6

До меня не доходят Святые волны и ветра.
Господь – моя душа.
Небесные краски, рождающие солнце и звезды,
Искрятся и сияют над моей хижинкой.

Уединившись в молитвенном плаче,
Я вспоминаю свои грехи.
И никому не открываю свое сердце!
Вот почему я говорю, о, мой любимейший брат:
Если душа не чиста, то и плоть не будет чистой!

Но если ищешь истину душой —
Полетишь, освобожденный, над горами и морем.
Станешь скалой, из сердца которой
Льется ангельская вода.
Ибо презрел смех и смирил плач.
Ибо если нет источника слез – нет и блага!
Ибо какая польза от садовника,
Если не прольется дождь и не напитает сонный сад.
И как темная грозовая туча, что слышна издалека,
Угрожающе движется к тебе,
А ты чувствуешь страх, а с ним – и присутствие Бога;
Как тьма, отступающая пред восходящим солнцем,
Так и я с радостью и верой в сердце
Спешу к Спасителю
И к вечному псалму:

Ныне питаюсь хлебом слезным
И пью слезы в трехкратной мере!
И я расту, становлюсь сильнее,
Наполненный спасительным страхом!
Но для всего земного я мертв. И ничего!
Я всегда смотрю на голову аспида
И всегда открываюсь дивному старцу

И невидимой муке.

7

Теперь ты стал всем тем, чем раньше не был,
Недолговечный незнакомец!

Теперь ты знаешь —

Что вечно веселятся праведники,
Грешники же вечно страдают!

Теперь ты чувствуешь —

Ангельское солнце сияющими лучами
Снимает с травы затвердевшие морозные капли!

И до тебя не доходят волны и ветры,
А ум твой, сердце твое, тело твое
Становятся домом Божиим.

Теперь ты видишь —

Сион и Иерусалимские стены возрождены!
И вспоминаешь многие грехи.
А память об этом остается с тобой и днем, и ночью.

Видел ли ты древнее слово Святого Андрея
Христа ради юродивого?
Который ходил возле колонны Царя Константина —
Блистающий, наподобие пламенного столпа.

Тогда отверзлось, подобно вратам, небо,
И оттуда появились стая ласточек
И белоснежный голубь,
Державший в клюве золотой масличный лист
И опустивший его на голову святого,
Ибо сердце его излучало свет.

На Божий свет на земле, О котором никто не знает

До тех пор, пока не пройдет
Через *место древней скинии*
До Божьего дома!

До Отца своего, благодарный за то,
Что научил его говорить —
Прости!

Это мой знак! И старый шрам тверже камня.
Ни весна, полная соков,
Ни грубая сила ветров,
Ни чудесная смена времен года,
Ни тихая Утренняя звезда
Не могут спасти души в лисьих шкурах.
Это тяжелый для меня день,
О, мой любимейший брат!
Когда ты – чужак для самого себя и своих детей,
И не понимаешь слов, которые произносишь.
От этого давит в груди
И земля уходит из-под ног.
Место твоего рождения пусто,
А кров меняют воздушные демоны,
Не признающие имя Его.

Это тяжелый для меня день!
Вот почему я говорю:
Где же эти Божественные свечки за земле?!

В быстром сне, в верхушках деревьев,
В заброшенном гнезде?!
Это мой знак! И старый шрам тверже камня.
Ни весна, полная соков,
Ни грубая сила ветров,

Ни чудесная смена времен года,
Ни тихая Утренняя звезда
Не могут спасти души в лисьих шкурах.
Я не боюсь этого часа,
Но дрожу, ужасаясь внутреннему огню.
Плач оmyвает все, что дышит!
Небо, меняя облик,
Становится свидетелем моего стыда.
Моя душа болит.

Ибо меня мучают в Отчем доме,
Ибо земными межами ограждают владения Отца,
Ибо отнимают малое стадо,
Которое Небесный Глава позвал в свое царство.

Это тяжелый для меня день,
О, мой любимейший брат.
Где теперь незаходящий свет, что струится
Даже тогда, когда пробуждается заря,
Чудесные земные пионы и живые небесные цветы?

И когда, словно древний пророк,
Я услышал Голос, зовущий меня,
Тогда я проговорил:
Молви, Господи! Твой слуга Тебя слышит.
Пусть Твоя речь прольется росой.
Говори, Господи!
Слышит Тебя заблудшее Авраамово семя!
Этой ночью, когда мой голос обрел крылья,

Пусть место нашего рождения станет
Домом молитвы!

Нови-Сад, 1. февраля 2008 г.

Как истинный слуга

Теперь я знаю —

Время идет, мой любимейший брат,
Но нет ни плода, ни благ земных.

И я дышал тихо, и еще тише.
И об этом пели небесные ангелы,
А душа вкушала таинственный воздух.

Теперь я знаю —

Мой любимейший брат,
На узкой дороге мало путников,
Ибо как ладью без кормчего
Яростные волны бросают из стороны в сторону,
Так и слабый изгнанник теряется
В треволнениях жизни —
Как истинный слуга, что ниже любого существа.

Ведь что есть человек, если не росток невзошедший,
Не тело, не душа, но – и тело, и душа.
Омовенны, стремимся ввысь,
Как и Всесвятой в вечной Книге,
Когда, следуя к Отцу,
Он взмахнул крылами, рассеял тьму

И утвердился в Небесной Обители.
Смиренно, без гнева, всепрощающе
Преображаемся и берем все, что пожелает сердце,
Украшив себя листьями лавра.

Теперь я знаю —

Я прохожий, чужак, как и мой отец.
И его отец. И все в мольбе.
Ибо ни на земле, ни на небесах
Нет более сильного оружия, чем Его имя.
А в быстром сне, в верхушках деревьев
Есть еще свет и слова, от которых текут слезы!

Песнь с острова сирых

*Господь воцарися, да радуется земля,
да веселятся острови мнози.
Псалом Давида, 96:1*

1

Слышишь ли тихую песнь с острова сирых?!
Которая, как и любовь, переливается из сердца в сердце
И так становится бессмертной.

Слышишь ли крик, что так долго
Скрывается в онемевших устах,
Дабы ты не потерял надежду
И не облекся в стыд, увидев Отца своего!
И когда с опущенным лицом идешь
по небесной тропе,
То чувствуешь, как тебя обнимает пламя
И язык дышит по твоей воле,
Ибо ум не бродит туда-сюда.
Тогда ты из глубины сердца, плача, стучишься в двери
И с голосом трубы встаешь,
Воспрянув из радостного сна, в котором видел
Победные венцы и небесных обитателей.

Ты немеешь от страха, колеблешься, дрожишь,
С опущенной головой, со связанными руками,
И в твоём светильнике все меньше масла —
Пламя гаснет.

А Он возносится над землей и господствует над смертью!
На ходу ты ловишь души – простые, незлобивые.
Посреди гама и суеты ты не слышишь правдивых слов!
Дабы за ними увидеть слезы, орошающие твою душу, —
Добавляешь рану к ране.

Чистый сердцем, Он выносит венцы!
Облегчает труд и подносит – своими семенами —
землю в дар Небу!
Качая ливанские кедровые деревья, Он ведет тебя в вечный дом.

Ты стенаешь во грехе от возобновленной боли!
Ширишься ложными сетями,
И потому даже незначительные дела
Становятся для тебя, косного, свинцовым бременем.
В цепях и оковах, истекая слезами,
Ты все еще обнимаешь скрытых глотателей тумана.

Он одаряет тебя фимиамом, лечит Писанием,
Принимая твои слезы, ибо души не подлежат подсчету.
Ты, как ревностный страж, плавающая по земному морю,
Бьешь себя в усталую грудь. И спрашиваешь:
Какая от этого польза, Неутомимый?!

Ибо днем строишь, а ночью рушишь!
Слышишь ли тихую песнь с острова сирых?!
Которая, как и любовь, переливается из сердца в сердце
И так становится бессмертной.

Слышишь ли крик, что так долго
Скрывается в онемевших устах,
Дабы ты не потерял надежду
И не облекся в стыд, увидев Отца своего!
И когда с опущенным лицом идешь
по небесной тропе,
То чувствуешь, как тебя обнимает пламя
И язык дышит по твоей воле,
Ибо ум не бродит туда-сюда.
Тогда ты из глубины сердца, плача, стучишься в двери
И с голосом трубы встаешь,
Воспрянув из радостного сна, в котором видел
Победные венцы и небесных обитателей.

Он знает, что малая закваска квасит все тесто,
И смотрит, как ты, спускаясь под землю,
Сгребаешь преходящие блага,
В сеянии не поднимаешься,
И в жатве не падаешь!

Ты не знаешь, что ты хранитель брата.
И все еще спрашиваешь себя, полный смутных мыслей:
Что получаешь ты, когда даешь Ему взаймы?!
И вот ты теряешься в волнах,

Носимый сильными ветрами.
Как это бывает со смертным человеком,
С речными водами, что оттекают и притекают.
Он открывает тебе путь и расчищает тропу,
Чтобы душа твоя не ослабела.
Он знает о страданиях братьев —
Когда воздух накаляется, а уста немеют.
И виноградная лоза сначала опоясана шипами.
Как изрек громогласный старец:
Корень из сухой земли, что прорастает пред Ним!

2

Слышишь ли тихую песнь с острова сирых?!
Которая, как и любовь, переливается из сердца в сердце
И так становится бессмертной.

Слышишь ли крик, что так долго
Скрывается в онемевших устах,
Дабы ты не потерял надежду
И не облекся в стыд, увидев Отца своего!
И когда с опущенным лицом идешь
по небесной тропе,
То чувствуешь, как тебя обнимает пламя
И язык дышит по твоей воле,
Ибо ум не бродит туда-сюда.
Тогда ты из глубины сердца, плача, стучишься в двери

И с голосом трубы встаешь,
Воспрянув из радостного сна, в котором видел
Победные венцы и небесных обитателей.
Как в песне Пророка:
Когда горы заплясали словно агнцы,
А дороги Сиона и склоны северные
Погрузились в слезы – земля вздохнула
И предалась печали.
О, корабли тарсийские!

Как добрый Пастырь, собирающий свое стадо,
Пока возносится и сияет;
Как ты, бегущий ревностных хулителей
И ленивых учителей,
Вкушающий от хлеба и пьющий от чаши,
Не дающий поймать свою душу, играющий
На своей свирели!
Так и достойный рыбак,
Первый в апостольском собрании, вопрошающий:

Господи! Сколько раз прощать брату моему,
Согрешающему против меня? До семи ли раз?

Молвит:

Не говорю тебе: до семи, но до семижды семидесяти раз.

И как дерево познается по плоду, а не по листу,
Так и ты, поглощая земной воздух,
Избегая того, что мелькнуло темной тенью,

С сильным взглядом, свободный от любого зла,
Вспоминаешь прошлое – не гася,
А обнимая небесную звезду.
Страдания о страданиях умножают твою печаль,
Ты грустишь и плачешь.

Слышишь ли тихую песнь с острова сирых?!
Которая, как и любовь, переливается из сердца в сердце
И так становится бессмертной.

Слышишь ли крик, что так долго
Скрывается в онемевших устах,
Дабы ты не потерял надежду
И не облекся в стыд, увидев Отца своего!
И когда с опущенным лицом идешь
по небесной тропе,
То чувствуешь, как тебя обнимает пламя
И язык дышит по твоей воле,
Ибо ум не бродит туда-сюда.
Тогда ты из глубины сердца, плача, стучишься в двери
И с голосом трубы встаешь,
Воспрянув из радостного сна, в котором видел
Победные венцы и небесных обитателей.

Ты пьешь родниковую чистую воду
И твоя песнь ширится, как пожар.
Как пел сын ессеев:
Ты напитал их хлебом слезным,
И напоил их слезами в большой мере!

Слышишь ли тихую песнь с острова сирых?!
Которая, как и любовь, переливается из сердца в сердце
И так становится бессмертной.

Слышишь ли крик, что так долго
Скрывается в онемевших устах,
Дабы ты не потерял надежду
И не облекся в стыд, увидев Отца своего!
И когда с опущенным лицом идешь
по небесной тропе,
То чувствуешь, как тебя обнимает пламя
И язык дышит по твоей воле,
Ибо ум не бродит туда-сюда.
Тогда ты из глубины сердца, плача, стучишься в двери
И с голосом трубы встаешь,
Воспрянув из радостного сна, в котором видел
Победные венцы и небесных обитателей.

Ты все еще смеешься, чадо неискушенное?!
А проходящий мир облачается в молодую листву.
Ты скитаешься по пустыне мира,
Выпуская стрелу за стрелой,
И вдыхаешь воздух, проплывающие облака и густой
туман!

И горишь. Дабы, суще молодым, наглядеться на землю,
Дабы, суще голодным, насытиться дел Его.

Он, смиренный, идет за тобой, вкусив целый плод,
Чтобы во время пути тебя не постигла смертельная
участь.

У тебя нет сил убежать.

Стремясь к далеким небесам,

Ты не боишься ни сильного ветра, ни ярой волны!

Все старое в тебе молчит.

Ты не получаешь и не пишешь писем.

Ты не видишь свой грех! Ничего не видишь!

Насытив сердце, плетешь блестящие венцы.

И не знаешь, что в руке Отца – все земные дети

И все земные края!

Ты – неверный, ненужный Слуга!

Потому невидимый чужак строит земной дом —

Голосом из земли, вздохом убогих,

Словно пес, грызущий камень,

А не руку, которая его толкнула;

Чтобы ты не вошел в силу из-за таящейся опасности.

Слышишь ли тихую песнь с острова сирых?!

Которая, как и любовь, переливается из сердца в сердце

И так становится бессмертной.

Слышишь ли крик, что так долго

Скрывается в онемевших устах,

Дабы ты не потерял надежду

И не облекся в стыд, увидев Отца своего!
И когда с опущенным лицом идешь
По небесной тропе,
То чувствуешь, как тебя обнимает пламя
И язык дышит по твоей воле,
Ибо ум не бродит туда-сюда.
Тогда ты из глубины сердца, плача, стучишься в двери
И с голосом трубы встаешь,
Воспрянув из радостного сна, в котором видел
Победные венцы и небесных обитателей.

А ты дышишь внутри, и кровь не движется.
Душа твоя укрепляется таинственным воздухом,
И ты вспоминаешь тех, о ком поют Ангелы,
Ибо убожество тебя угнетает.

Он же, гонимый с рождения, отламывая тебе
Кусок хлеба – на небе, где вращаются звезды,
Пробуждая тебя ото сна, говорит:

В кою слезу входит плач незаходящий
И кой вздох волнует грудь твою,
Когда ты поднимаешься к Отцу —
Если нива чиста, где шипы, которые исчезают
В пламени?!
Какую мерю меришь, такую и тебе будут мерить,
Чадо неискушенное!

Семь легких трепетаний

*А Авраам был ста лет,
когда родился у него Исаак, сын его.
Первая книга Моисея, 21: 5*

1

Оставил ли ты свой мир
До первых петухов, провожаемый взглядом Сарры?!
Познал ли свою Веру и голос Отца?!
Где твой крылатый конь?!
Взял ли за руку свое единственное дитя —
Милого Исаака, дитя твоей старости?!
Отправился ли в землю Мория?!
Связал ли ты ему руки и ноги?!
Сложил ли дрова, занес ли нож?!
Вопросил ли он тебя,
Пока твой ум плыл в законе Господа:
Ответил ли ты ему – из глубоких вод,
Из густых лесов, из тесного скита,
Ибо нет пути, ибо путь повсюду:
Сын мой, если ты готов служить —
Устремил свое сердце!

2

Ты вел с собой Исаака —
Молча, с прикованным к земле взглядом
Вплоть до четвертого дня.
Молча сложил дрова, связал сына, достал нож.
И не спросил, не ослабляя души своей —
Из преходящего, непонятного мира:
Разве для этого Ты позволил мне стать отцом?!
Ты хочешь взять его у меня?!
Лучше бы Ты мне его не давал!
Видано и слыхано ль такое?!
И ты не сказал:
Это мой плод, Отче, как же я могу рубить корни?!
И не подумал, что все – в поясе, плаще
И голосе предвестника!
Не заплакал —
Ибо, как страшное пламя пожирает сухие ветви,
Так и чистая душа чистую душу ведет в Землю Живых!

3

Ударив своего осла, обняв Сарру,
Попрощался с Елиезером, своим вечным слугой.

Взял с собой двух отроков и милого Исаака,
Единственного сына.

Через мрак, бурю и невыносимый холод
Дошли до горы.

Там связал ему руки и ноги, сложил дрова и взял нож.

Был готов заколоть сына своего.

И не окаменела рука моя!

И не ослабела мышца моя!

И не помутился разум мой!

Не спросил:

Зачем ты это делаешь, Отче?!

И не сторел в пламени горя, что умножилось трехкратно.

Не сказал, что дни злы, а время обманчиво,

Когда из скромной хижины отправился к другому миру!

Ибо сторонился слухов, ложных и лукавых речей.

Как и старец громогласный,

Что на площади в Иерусалиме,

Окруженный народом, не смог найти человека

И слово свое обратил к земле и небесам.

4

Я все еще на вершине горы.

Без гнева и зависти!

Я не бросаю камни, не пускаю стрелы в небо!

И я не на узком пути, чтобы меня искушать и

Преследовать, как помешанного.

И Исаак, мой единственный сын, здесь —
Со связанными руками и ногами.
И дрова здесь. И нож!
И человеческие тени все еще множатся на земле,
Приносят тьму.
(Хоть ты и лишен всякой надежды,
Но ты видишь мое сердце,
Ты знаешь мою молитву до того,
Как я начинаю молиться).
Но в сердце тихо, ибо это не зависит от них.
Я готов ударить, Отче!
Пока из травы – густой, волнующейся —
Выныривают головки диких цветов, что растут до звезд,
Я уже доплетаю венец, Отче мой!

5

Чей это курган, Отец мой?!
Что это за день!
Разве я провел его во грехах. Отец мой?!
Ибо земные жилища пустеют
И земные ворота закрываются.
Я взял двух отроков и Исаака – моего любимца.
Набрал дров для костра,
Заострил нож, приготовил жертвенник
И пошел туда, куда Ты указал, Отец мой.
Я стоял не шелохнувшись, был нем и боялся моргнуть.

А по небу, словно стайки птиц,
Проносились серые облака.
Я взял в руки огонь и нож.
А Исаак, единственный мой сын, незаходящее солнце,
Сказал:
Вот огонь и дрова, отец мой!
А агнец? Где же агнец для всежжения, отец мой?!
Я вобрал силу этих слов!
Пробился сквозь лесные заросли
К уединенному скиту и очнулся от смертного сна!

6

Ты обо всем позаботился, Отец мой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.